

РОМАНТИКА ПОЛЕВЫХ РАБОТ

Е.И. Фокин

В 1942 г. добровольцем вступил в ряды Красной Армии во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Служил в подразделениях общевойсковой разведки. В 1949 г. окончил аэрофотосъемочное училище по специальности «техник фотограмметрист», а в 1958 г. — аэрофотогеодезический факультет МИИГАиК по специальности «аэрофотогеодезия». Работал в Северо-Западном АГП, Казахском АГП, МАГП, в производственных организациях Мособлгеотреста и Мосгоргеотреста. С 1973 г. работал в ЦНИИГАиК, с 1977 г. — в ГосНИЦ изучения природных ресурсов, а с 1989 г. по 1995 г. — в Метротоннельгеодезия. Автор повестей и рассказов о разведчиках и первопроходцах.

Когда заходит речь о первопроходцах, пишут, в основном, о геологах, а это — не всегда справедливо. Чаще перед тем, как в отдаленный район придут геологи, там успевают побывать специалисты топографо-геодезической службы, которые в качестве автографов о себе оставляют топографические карты.

Когда вы держите в руках лист государственной топографической карты, не смотрите на нее, как на изящно исполненный красочный чертеж земной поверхности. Ее производство пока еще связано с выполнением полевых работ, которые подчас требуют от их исполнителей не только высокой квалификации, но и проявления подлинного героизма, высокого мужества, инициативы. Проникнитесь уважением к ним, вспомните добрым словом тех, кто позволил нам, не выходя за порог кабинета, изучать в уютной обстановке любой регион страны.

Одним из многих таких людей, с которыми мне пришлось встретиться, был Виктор Савинкин. Он прошел не одну сотню километров по болотам Васюганья, неприветливым хребтам Забайкалья, крутолобым сопкам Приамурья. За его плечами был немалый опыт работ в районе Ханты-Мансийска и глухих урехах Северного Урала.

Виктор был прекрасным рассказчиком. Одно из его воспоминаний, запавшее мне в душу, послужило основой для этого небольшого рассказа. Описываемые события происходили в начале 1960-х гг. Но не это главное...

В процессе обработки материалов геодезических измерений по привязке плано-высотных опознаков выяснилось, что полученная точность определения некоторых из них не соответствует техническим допускам. Возникла необходимость в повторном проведении геодезических измерений на этих же знаках. К тому же они были расположены не компактно, а разбросаны друг от друга на значительном расстоянии.

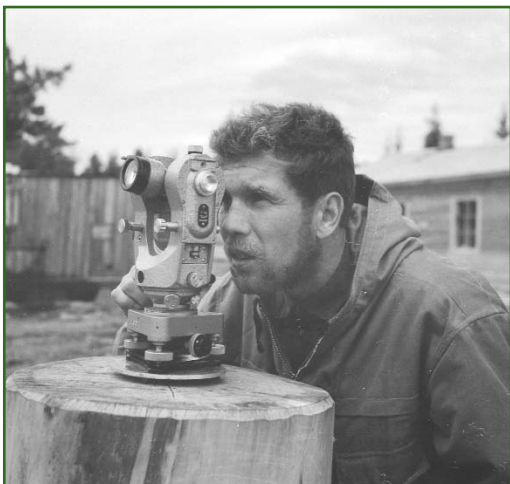
И вот в декабре мы, пятеро, в составе: начальника партии Вадима Клейнера, меня, рабочего Саши Ворошилова и техника Щеголева с рабочим выехали из Уруши. Одеты мы были добротно: на этот раз прижимистое руководство было щедрым, ничего не пожалело. В сани запрягли трех коней, да еще на смену

двух прихватили. Ехали по реке того же названия, что и поселок. Никогда не думал, что она так петляет, сколько на ней кривунов и поворотов!

За день успевали продвигаться на 15–20 километров. Ближе к Амуру пошли торосы, тут уж пришлось потрудиться по-настоящему: мороз, а от наших спин пар валит. Пот с лица не успеваем вытирать. На ночь ставили вместительную палатку, железную печку раскочегаривали так, что она становилась малиновой. После ужина забирались в меховые мешки и засыпали непробудным сном. Утром проснешься и необразишь, где находишься: палатка изнутри покрыта инеем, сверху с потолка свисают сосульки. И так день за днем. Тяжело, ни тяжело, но на седьмые сутки добра-

лись до Сгибнева, небольшого поселка на Амуре. Переночевали все вместе, а утром Щеголев с рабочим на санях уехали на свой участок, который располагался выше по Амуру. Мы трое остались здесь, так как по сути дела оказались почти в районе предстоящих работ. К сожалению, не выдержал переезда Вадим, свалился с высокой температурой.

Вадим остался в поселке, а мы с Сашей пошли на работу. Вышли на Амур. Поутру мороз, ярко светит солнце, небо голубое. Только приступили к работе, — измерению углов — отказал теодолит, замерзла смазка, лимб с алидадой образовали одно целое. Несолоно хлебавши, возвратились в поселок. Хозяин дома, у которого мы жили, предложил смазать части теодо-

*Ханты-Мансийск, 1965 г.
Экспедиция 128 (МАГП)**

лита медвежьим жиром. К совету местного жителя прислушались, и на следующий день нам удалось поработать с теодолитом час: замерз и медвежий жир. Вечером другой сосед, зашедший на огонек, порекомендовал жир снять, насухо вытереть прибор и смазать соляркой. Этот вариант смазки себя оправдал, оказался надежным, безотказным средством при самых низких температурах. К сожалению, два дня были потеряны. Начали с проложения теодолитных ходов. Теперь, когда подлесок гол, использование оптической насадки было целесообразно. Трассу для измерения не расчищали, к топору практически не притрагивались, поэтому и работа шла успешно.

Вскоре перебрались в поселок Монастырку, состоящий из одного дома, который, как ласточкино гнездо, прилепился к коренному отвесному берегу. В доме жила семья связистов: муж с женой. Они-то и приютили у себя троих бедолаг.

Морозы же день ото дня крепчали, входили в силу. Замело снегом пути-дороги, переходы становились все тяжелее. В первый же выход с Сашей из Монастырки нам удалось проложить километров десять высот-

ного хода. Очень устали, возвращаться на ночь в поселок было далеко и тяжело. Посоветовавшись, решили заночевать у костра, благо сухостоя вокруг было в изобилии. Наготовили дров, развели костер, попили чайку, присели поближе к огоньку и беседуем, покуриваем. За хребтом уже давно погасли последние отсветы холодного заката. По распадку сверху тянет холодком. Сюда же с любопытством заглядывает рогатая луна. Тихо, но тишина какая-то зловещая. И словно в подтверждение моих мыслей в соседнем распадке раздался волчий вой. Он был противный, хватающий за душу. Звук гулким эхом прокатился по хребтам, и распадкам, и исчез где-то вдаль. Стало жутковато. Вскоре вой повторился и стал приближаться. По-видимому волки шли по нашим следам. Через несколько секунд из-за скалы выскочила стая и с визгом бросилась к нам. Их было восемь. В метрах ста они остановились, окружили нас полукольцом. Сидят, грызутся и постепенно, хотя и медленно, подползают к нам все ближе и ближе. Мне стало страшно, но вида напарнику не подаю, хорохорюсь. Вот они подползли к теодолиту, установленному на треноге и прикрытому сверху чехлом, обнюхали его и продолжают приближаться. Их зеленоватые злые огоньки глаз то вспыхивают, то гаснут. Костер горит хорошо, но мы принимаемся раскоцегаривать его еще жарче. Вскоре языки пламени взметнулись выше человеческого роста, а волкам хоть бы что. Вспомнилось, что во всех сказках говорится, будто волки огня боятся. Вот мы и начали с Сашей бросать в них огненные головешки. Со злобным урчанием звери немного отскочили, но уходить не собирались. Сами почти стоим на уг-

лях, спину немилосердно жжет, того и гляди полушубок факелом вспыхнет. Костер пылает, быстро пожирая запасы дров. Сейчас бы какой-нибудь заваливающий дробовичок, — мечтаю я. Как выяснилось, огня-то они и не очень боятся. Голод не тетка, он притупил у зверя естественный страх. Начинаем свистеть и кричать. Периодически бросаю взгляд на часы: минутная стрелка словно примерзла к циферблату. Так мы и провоевали с волками всю ночь, не смежив ни на миг веки. Наконец, в распадок начал заползать долгожданный синий рассвет. С его приближением волки ушли, причем молча, словно по команде. Нам казалось, что мы провели не ночь, а целую вечность. Мы так подгорели, всю ночь исполняя чететку, иногда и на раскаленных углях, что полушубки на нас гремели, подгорели и валенки. К тому же мы едва держались на ногах, так хотелось спать. Но как только волки ушли, а заря начала распахивать дали, опрометью бросились из тайги к жилищу, к людям.

На следующий день на работу отправились втроем, хотя Вадим и был слаб. У него при себе был пистолет, и с ним было спокойнее. В этом составе мы за три дня закончили высотную привязку знаков, хотя всю лютовали январские морозы.

Едва возвратились в Монастырку, как заболел Саша — следствие ночевки у костра. Но ему, признаться, повезло — хозяин дома отвез его в Игнашино, а откуда вертолетом пограничники доставили в райбольницу в Сквородино.

Итак, мы снова вдвоем, но с Вадимом. Теперь предстояла работа по определению опознаков, расположенных по вершинам хребтов. Наши нехитрые пожитки: теодолит со штативом, подставку, капроновый канат,

* Фотография Виктора Савинкина предоставлена профессором В.С. Кусовым.

«когти», топор, ножовку, кухонные принадлежности, немного продуктов и сигареты — разместили в двух рюкзаках, остальное пришлось оставить. Накануне, перед выходом еще раз по аэрофотоснимкам рассмотрели размещение зон, в пределах которых предстояло провести геодезические измерения, выбрали наиболее целесообразный маршрут движения.

На следующий день, утром, тепло простившись с хозяевами, взвалили на себя поклажу и тронулись в путь. Дойдя по Амуру до реки Ульдыгича, свернули в обильно заросший распадок. Идем, шаг за шагом углубляясь в тайгу. Наконец появляется прогал между кустами, и по нему под небольшим уклоном начинаем подъем на одну из крутобоких сопок. Идем согнувшись, хватаясь то за кусты, то за стволы деревьев, ноша тянет к земле, а смерзшаяся опавшая хвоя так и пытается вырваться из под ног. Ноги скользят, поэтому приходится ставить стопу боком. Остановимся, постоим, опираясь о ствол, покурим и снова в путь. Сколько раз мы останавливались — не счесть.

Взмокшие и уставшие, наконец-то поднялись на округлую вершину, на которой, радуя глаз, стоял, отливая бронзой опор, геодезический знак. Ориентировавшись по нему, вышли к одиноко стоящей сосне со срезанной вершиной. Быстро набрали сухостоя, и скоро между ладоней Вадима запрыгал, просясь на волю, огонек. Я же готовился взобраться на дерево. Это дело оказалось непростым. «Коготки», которыми мы с успехом пользовались в летнее время, теперь скользили по обледенелой коре. Хорошо, что первые сучья торчали невысоко, и я быстро добрался до места среза. Осмотрел в бинокль окрестности: до самого горизонта тянулись верхушки заматеревших сосен, обильно по-

Зимовье

крытые шапками снега. Я нашел необходимые для наблюдения знаки, на канате подтянул теодолит, установил его на подставку и довольно быстро провел измерения. Побаловавшись по завершении работы чайком, мы направились на следующий знак. Теперь нацелились двигаться к вершине хребта с отметкой 530 на северо-восток, а от него на север к водоразделу, с которого во все стороны разбегались ручьи и речки. Поплутав по распадкам, они сливались и текли к югу, к Амуру.

И опять мы ночуем у костра. Дважды за день, утром и вечером, готовим заваруху — это первое и второе одновременно. Жиров давно нет — израсходовали. Основная надежда на рябчиков, которых умело ловит Вадим. Ночью практически не спим: то сидим курум, то ворочаемся с боку на бок. Как правило, разговор после ужина не клеился. Усталость брала свое. А едва захватывала дрема, начинал мороз. Тогда поднимались, закуривали, тянулись к огню. С отдельных фраз, междометий разговоры, как наркотик, захватывали нас, пока дрема не забирала в свои объятия. Пока лежишь лицом к костру, спина успеет покрыться инеем. Начинаешь ощущать, как мороз нахально добирается до позвоночника, леденит внутренности,

значит пора поворачиваться на другой бок, подставлять морозу лицо. Пока отогреваешь спину, он уже звериной хваткой вцепляется в руки, а лицо покрывается ледяной корочкой. Кружишься с пяти вечера до девяти утра. Иногда встаем, начинаем обсуждать то свои маленькие проблемы, то принимаемся прыгать около костра. Порой бывало так холодно, что казалось душа и та до донышка промерзла. Пройдет еще с часок и стечет в распадок холодный утренний туман, на горизонте проклюнется солнце, хотя будет еще морозно, зябко, но уже сам процесс его появления пробуждает душевный подъем.

В одну из таких ночей вижу сон: вокруг горит тайга. Вскикиваю и... о ужас! Увиденное во сне оказалось близким к реальности. Горела, не тайга, горел я сам. Плюхнулся спиной в снег и начал неистово кататься. С помощью Вадима инцидент был устранен, но полушубок и свитер на спине прогорели насквозь, подкоптилась даже нательная рубаха. Подбросив в чахнувший костер новые бревна сухостоя, мы кое-как скоротали остаток ночи. А утром, перед выходом, я закрыл дырку чехлом и упаковочным ящиком от теодолита, и вопреки всему, голодные и замершие, измученные физически, а Вадим, так до

сих пор и не выздоровевший, упорно продолжали работу. Как я уже говорил, измерения углов мы вели как с земли, так и с деревьев. Когда поднялись на предпоследний четырнадцатый опознак и убедились, что видимость на окружающие знаки с земли отсутствует, решили вести наблюдения с дерева. Им была одиноко стоящая сосна, явно возвышающаяся над остальным массивом. Если отождествление выбранного контура на местности и аэрофотоснимке проводилось довольно успешно, то выполнение его наколки тонкой иглой на аэрофотоснимке, чтобы диаметр отверстия не превышал одной десятой доли миллиметра, было делом непростым. Снимок на морозе становился жестким, скользким, а руки — малопослушными. Абрисы, составляемые на обратной стороне снимков, тоже были далеко не идеальными. На этот раз поднимался на «коготках» на дерево довольно легко, нашел с помощью бинокля угольно черные визирные цилиндры знаков, мельтешащие над лесом, как белые бабочки, миткалевые флажки, установленные еще летом над опознаками. Видимость

была отличная. Пока я спиливал вершину дерева, а потом мешающие наблюдению сучья, Вадим разжег костер. Приготовив место для наблюдения, я спустился с дерева, покурив, погрелся у костра, потом сложил в рюкзак теодолит, подставку, капроновый канат и вновь полез на дерево. Надежно привязавшись канатом к стволу дерева, приступил к наблюдениям. Как обычно, результаты отсчетов диктовал Вадиму, который заносил их в журнал. В меховых перчатках наблюдать было неудобно, пришлось их снять. При соприкосновении с заиндевевшим металлом пальцы рук прикипали к прибору и я периодически отогревал их, засовывая то за борт полушубка, то в перчатки, то согревая дыханием.

Отнаблюдав положенное количество приемов, я снял теодолит, положил его в рюкзак и отвязался от дерева. Мои руки окончательно потеряли чувствительность, одеревенели и при попытке скинуть рюкзак за спину, я не удержался на обледенелых сучьях и рухнул вниз. К счастью, нижние сучья были обрублены не все. Они-то и самортизировали, спружинили удар тела о мерзлую землю. (По приезду в Москву рентген установил: сломано ребро.) Повздохал, покряхтел, а работу продолжать надо. И мы ее завершили.

Двинулись в обратный путь. До жилья, судя по карте, было свыше пятидесяти километров. Теперь я для Вадима стал плохим помощником, даже в заготовке дров. Путь к дому, к теплу был тоже непростым. Тропы не просматривались. Вышли как-то на следы охотника с собакой, но встретиться нам не удалось. Идем натошак. Продукты кончились. Осталось только курево. Надо бы побыстрее, да ноги не слушаются. Груз в рюкзаке хоть и не велик, а тянет. До жилья осталось километра три, а силы на исходе, еле передвигаем но-

ги. Идем с остановками: метров 200–300 пройдем и отдыхаем.

Наконец, в сумерках вышли на Амур-батюшку. Осмотрелись: впереди призывно мерцает крохотный огонек. Это подбодрило нас, хоть на четвереньках, но доползем до жилья, решили мы. В полночь добрели до дома, видим дым, который струится из трубы. Дом так и тянет, хочется броситься к нему, да ноги не идут. Он стоит высоко на берегу, а мы внизу, на льду. Как же к нему подняться? До этого мы как-то шли, а здесь перед самым домом сникли, силы покинули нас. Внутри произошло какое-то ослабление, будто тормоза сдали. На четвереньках, с остановками, помогая друг другу, мы стали карабкаться вверх по ступенькам. Подползли. Кое-как встали. Ноги дрожат, а самим не верится, что наконец-то дошли. Худые, обросшие, с бородами-сосульками ввалились в дом. Смотрю на Вадима, а у него слезы на глазах: «Теперь я знаю, что есть рай и есть ад», — непослушными от холода губами, цедит он с паузами. Внутри у меня все дрожит, кажется, и потроха замерзли, и мы оба не в силах справиться с собой, клацаем зубами. Руки невольно тянутся к гудящей печке, источающей живительное тепло.

В этом доме мы провели два дня, попарились в баньке, отдохнули, подкрепились, привели себя в порядок. Теперь можно и снова в путь-дорогу.

Через несколько дней мы были в экспедиции.

Скажу честно, не раз в голову закрадывалась мысль: а не пора ли остановиться и поставить точку на полевых работах? Особенно, когда возвращаешься домой в декабре-январе месяце. Но наступает март, в окно начинает заглядывать ласковое солнышко, и уже не сидится. Душа где-то за Уралом. Новый полевой сезон, новые люди, новые встречи. И я не одинок. Нас много таких.

Наблюдения с дерева